

предметов, отмечая особенности, которые в других языках оказываются не представленными. Если, например, сравнить русское «человек» с немецким *Mann* или латинским *homo*, то даже в таком обычном слове обнаруживаются значительные семантические расхождения. Немецкое *Mann* в одинаковой степени употребляется как в значении «человек», так и «супруг», а латинское *homo* в качестве равноправного значения, наряду с «человек», имеет значение «мужчина», «гражданин». Этому обстоятельству в значительной степени следует приписать тот факт, что в грамматическом строе различных языков, наряду с общими моментами, наличествуют и значительные расхождения.

Здесь мы приближаемся к вопросу о зависимости грамматических элементов от условий исторического существования языка. Этот вопрос обладает значительной сложностью. Повидимому, ответ на него следовало бы искать в самых начальных моментах зарождения языка. Но это оказывается невозможным ввиду отсутствия необходимых данных; протяжение же в доисторическое прошлое линии, намечающейся по этапам исторического существования языка, представляется настолько рискованным и неверным путем, что к нему не оказывается возможным прибегнуть. Фактически, таким образом, лингвисту приходится иметь дело со сложившейся системой языка и в плане историческом изучать изменения, которые происходят в наличествующей уже системе.

Язык относится к общественным явлениям. «Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка»¹⁶. Само существование языковой системы и ее способность к дальнейшему развитию обуславливается способностью обеспечить общение людей на данном этапе существования общества. Это есть выражение ее исторической обусловленности в целом. Та система, которая оказывается обусловленной в целом, передает эту обусловленность и своим компонентам. Поэтому в общей форме трудно отрицать также и зависимость грамматической структуры от исторических условий существования и развития языка.

Но, с другой стороны, очевидную и наглядную связь и зависимость здесь не удастся обнаружить. Неясным остается также и то, в силу каких обстоятельств разные языки, находящиеся в приблизительно равных социальных условиях, избирают различные и часто диаметрально противоположные пути развития, сохраняя и совершенствуя категории, от которых отказались родственные языки. Так, русский язык не принял систему артиклей, но в болгарском они получили значительное развитие. В славянских языках развилось кумулятивное (многократное) отрицание, а в германских языках распространение получило однократное отрицание и т. д. Подобного рода многочисленные факты могут привести к мысли об имманентно присущих разным языкам особых тенденциях развития, или к допущению того взгляда, что системы языков, становление которых предположительно проходило под влиянием фактов истории общества, в нынешнем своем виде сложились в такие организации, которые приобрели собственные, автономные закономерности, вытекающие только из структурных особенностей системы языка, и на нынешнем своем этапе совершенно не связанные с общественно-историческим субстратом как в формах своего функционирования, так и развития.

Однако в действительности, как это подчеркивает И. В. Сталин, грамматическая структура языка не может быть поставлена вне влияний общественной среды, в условиях которой она была создана и интересы которой в составе языковой системы она обслуживает. Указание И. В. Сталина на то, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей

¹⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.